

УДК 821.161.1-31(Леонов Л. М.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-43-55. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

**Л. М. ЛЕОНОВ: ЭСТЕТИКА МЫСЛИ.
К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ**

Дырдин А. А.

Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск, Россия)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2920-3752>

SPIN-код: 9777-2984

А н н о т а ц и я . В статье, посвященной 125-й годовщине со дня рождения Л. М. Леонова (1899–1994), рассматривается вопрос о духовно-эстетическом генезисе писателя. Творческая стратегия Леонова обусловлена постижением бытия как метафизической реальности, отражающей противоречия российской цивилизации и русского характера. Леонов относится к ряду художников с открыто проявленным национальным типом творчества. Место и роль национальной идеи в наследии классика русской литературы XX века в общих чертах осознаны современным литературоведением и критикой, писателями-почвенниками (В. Распутин, В. Шукшин). Вместе с тем духовный контекст произведений Леонова, язык и стиль, поэтика с точки зрения «внутреннего слова», способности к творческому воплощению основных идей, самобытности образа мира, специфики национального сознания исследованы недостаточно. Нередко используется упрощенный мифоцентрический подход, игнорируется духовно-символическая природа мышления Леонова. Цель нашей имеющей итоговый характер работы – выявить специфику авторской мысли, представить первооснову художественно-эстетической интуиции писателя. В статье обобщается опыт леоноведения 1960-х – начала 2000-х (В. А. Ковалев, Н. А. Грознова, В. И. Хрулев, Т. М. Вахитова, А. Г. Лысов и др.), подведены промежуточные итоги собственных наблюдений над тенденцией духовного искательства у Леонова. Авторская концепция символа как универсального инструмента познания культурного кода русской исторической жизни преобладает в художественной практике Леонова. Вступительная часть статьи содержит тезисы, намечающие переход к основной части. В ней новаторство мысли и слова писателя соотносится со спецификой его символично-реалистического метода. Методика статьи определяется философским, этнопоэтическим, духовно-культурным своеобразием исследуемых текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Л. М. Леонов; национальное самосознание; символично-реалистический метод; метафизика; метафорическое мышление

Б л а г о д а р н о с т ь : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00905 «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дырдин, А. А. В Л. М. Леонов: эстетика мысли. К 125-летию со дня рождения писателя / А. А. Дырдин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 43–55. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-43-55.

**L. M. LEONOV: THE AESTHETICS OF THINKING.
TO THE 125TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTH**

Alexander A. Dyrdin

Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russia)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2920-3752>

Abstract. The article deals with the issue of the spiritual-aesthetic genesis of L. M. Leonov (1899–1994) in connection with the 125th anniversary of the writer's birth. Leonov's creative strategy was formed under the influence of the comprehension of being as a metaphysical reality, reflecting the contradictions of Russian civilization and Russian character. Leonov belongs to artists with an openly manifested national type of creative activity. The place and the role of the national idea in the heritage of the classic of the Russian literature of the 20th century are generally described by modern literary criticism and *pochvennik* writers (soil writers) (V. Rasputin, V. Shukshin, etc.). At the same time, the spiritual context of Leonov's works, his language, style and poetics have not been sufficiently studied from the point of view of the "inner word", the ability to creatively embody the main ideas, the originality of the image of the world, and the specificity of the national consciousness. Leonov studies often employ a simplified mythocentric approach, which ignores the spiritual-symbolic nature of the writer's thinking. The aim of this final stage of the research is to identify the specificity of the author's thinking and to present the primary basis of the writer's literary-aesthetic intuition. The article summarizes Leonov studies of the 1960s – early 2000s (V. A. Kovalev, N. A. Groznova, V. I. Khrulev, T. M. Vakhitova, A. G. Lysov, etc.) and presents the intermediate results of the author's own observations on the trend of spiritual search of Leonov. The authorial concept of the symbol as a universal tool for cognition of the cultural code of Russian historical life prevails in Leonov's artistic practice. The introductory part of the article contains theses outlining the transition to the main part. In this part, the innovative nature of the writer's thoughts and words correlates with the specificity of his symbolic-realistic method. The methodology of the article is determined by the philosophical, ethno poetic, and spiritual-cultural originality of the texts under study.

Keywords: L. M. Leonov; national identity; symbolic-realistic method; metaphysics; metaphorical thinking

Acknowledgments: The study is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00905 "Aesthetic Meanings and Fractal Poetics of the Latest Russian Prose: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov").

For citation: Dyrdin, A. A. (2024). L. M. Leonov: The Aesthetics of Thinking. To the 125th Anniversary of the Writer's Birth. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 44–56. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-3-46-55.

«Имеет силу национального пароля...»

В. Распутин

Введение

Слова, взятые в качестве эпиграфа к статье, принадлежат младшему леоновскому современнику, произведения которого представляют собой сгущенное художественно-эстетическое пространство, наполненное целостными образами – носителями национальных смыслов. Как было сказано Распутиным, Леонов, после создания «Русского леса», «книги мудрой и доброй, многоплановой и многоструйной, тревожной и целительной, своего рода охранной грамоты русской жизни <...> по праву встал рядом с Тургеневым и Толстым» [Распутин 2007: 290]¹.

Художественное видение Леонова порождает глубокую интуицию национального мировоззрения, осложненной множеством историко-культурных ассоциаций. Мысль его метапоэтична, связана с риторикой античности, христианской экзегетической традицией, что с особой силой явлено в его творческом завещании – романе «Пирамида». В нем нашли отражение синтез художественной философии и мифомышления, преобразование жизненного материала на почве символов и культурных топосов, апокрифических легенд, притч, апокалипсических пророчеств.

Леоновская образно-смысловая система соединяется с «резонантным пространством» (В. Топоров) русской литературы через стилистические реминисценции, «вплоть до орнаментального стиля Даниила Заточника» [Степанов 2001: 161]. Писатель-мыслитель устремлен не только «за горизонт зримости» [Леонов 1994, т. I: 7]. Основная траектория миропознания Леонова определяется задачей изображать изломы судьбы русского человека «в обеих ипостасях реальности и нереальности» [Леонов 1994, т. I: 32]. Мышление Леонова синхронично. Способность объединять многообразные философские концепции, научные факты и гипотезы в неразрывное целое объясняется интегративным характером мысли писателя. Он без затруднений переходит от мифологии, научных представлений о мироустройстве к событиям всеобъемлющего значения: судьбам России и всего человеческого рода. Затем эта генеральная идея, усиленная подробностями быта и нравов, переводится в систему смысловых координат, в «иероглиф образа, в нем ключ к непосильному, с уймой неизвестных уравнению...» [Леонов 1994, т. II: 80]. Исходная предпосылка художественной идеологии Леонова – ценностная сфера русской классической литературы XIX века, психологический реализм Л. Н. Толстого и «христианский реализм»

¹ Распутину принадлежит одна из самых пронизательных характеристик творческого облика писателя-философа: «Леонид Леонов при сотворении его художником сразу и щедро был вырублен из лучшего куска того материала, из которого кроются немереной силы мастера. Всё в нем было просторно, размашисто, могуче и красиво – и письмо, и речь, и взгляды, и суждения, и ум, и сердце, и талант общения, и ненасытный интерес к жизни и знаниям» [Распутин 2007: 288].

(В. Н. Захаров) Ф. М. Достоевского.

Правило творческого поведения писателя – выверять собственные поиски духовной высотой русской словесности. Отсюда, из сопричастия русской истории и культурной памяти, вырастает корпус леоновских текстов, целокупный образ Руси-России. Побудительные стимулы к писательскому труду Леонов находил не только в жизни, искусстве, духовной культуре, античной и классической философии. Для его мыслесловия существенное значение имели математика, астрофизика, топология, их логико-смысловые конфигурации².

Ниже, в последующих разделах нашей статьи, мы попытаемся определить эстетику образной мысли Леонова, отталкиваясь не только от категорий прекрасного и трагического. Речь пойдет о смысловых рядах, духовно-ценностных факторах «цельности мировоззренческого стиля» (С. С. Аверинцев), составляющих интеллектуальный универсум писателя.

Теоретико-методологические принципы исследования

В статье применяется системный подход, представители которого реконструируют идейно-образный мир Леонова, создаваемый в русле духовных исканий русской литературной классики, духовно-нравственных первооснов национального самосознания. Разработана система взаимосвязанных, дополняющих друг друга методик анализа текста, а также концепция фрактальности, примененные с целью истолкования леоновского мышления, его форм и структур. По отношению к предшествующему исследовательскому опыту наш подход избирателен. Методология статьи опосредуется телеологическими принципами трактовки художественно-философских открытий, эстетики творческого труда, развитыми в работах леоноведов старшего поколения и современных исследователей. Акцентирован принцип зависимости леоновских образности и языка от авторской идейно-художественной позиции. Аналитические установки статьи сложились на основе обобщения того литературно-критического опыта, который способствовал зарождению (начало 1950-х – конец 1970-х гг.) и утверждению (1980-е – начало XX века)

² В комментариях Т. М. Вахитовой (1946–2022) к публикации материалов бесед Л. М. Леонова с Н. А. Грозновой приводится фраза из воспоминаний гл. редактора журнала «Наука и жизнь» В. Н. Болохвитинова о беседе Леонова с физиком Л. Д. Ландау, подтверждающая леоновское знание формул скорости света, моделей вселенной: «Лев Давидович быстро набросал формулы. Леонов их знал. Но ему хотелось другого, “мускульного”, реального, поэтического их выражения. Он добивался: так что же все-таки произойдет с телом, если оно подошло к границе, очерченной эйнштейновским запретом? И он высипал на голову Ландау формулы и Хаббула, и Леметра, и Доплера, и Фицджеральда...» [«Надо искать философский, религиозный ключ...» 2004: 26–27]. Об этом, а также о поездках в Загорск (Сергиев Посад), посещениях Троице-Сергиевской Лавры, беседах Леонова с ее обитателями, профессорами Духовной академии, ректором – архим. Александром (Тимофеевым) см: [Раушенбах 2017].

леоноведения как одной из ветвей нынешней отечественной науки о литературе.

Истоки творческого самоопределения. Эстетическая позиция Леонова

В художественном сознании Леонова объединились древнерусская эстетика, реализм XIX столетия и поэтика Серебряного века с ее философским символизмом и метафоричностью. Писатель продолжил социально-философские поиски советской литературы, в которые внес свой опыт образного познания действительности. Главное в леоновских книгах – тяга к рефлексии о человеческой душе, об устройстве мироздания, о России, ее своеобразности и духовно-нравственных корнях.

Высказываясь по поводу проникновения автора «Войны и мира» в жизнь простых людей, Леонов говорил не только о «поразительной точности толстовского мышления и подгонки к нему толстовского языка» [Леонов 1984, т. 10: 421], но и о своеобразном народном кенозисе. Важное звено в этом контексте – аскетическое опрощение Толстого, самоограничение, «посоланный трудовым потом хлеб», способный «утолить терзающий нас душевный голод» [Леонов 1984, т. 10: 433]. При этом Леонов-мыслитель спешит уточнить: «вся родословная страданий людских показывает, что, кроме небесного осияния в душах, ужасно много требуется людям для сносного существования <...>. Список людских нужд, скрытый в евангельский рубрике – остальное, открывается хлебом насущным» [Леонов 1984, т. 10: 435].

Оставаясь строгим к самому себе, Леонов верен принципам народной психологии труда. Работать усердно, проникать в материал на полную глубину – главные леоновские правила, которые, как и «пытка бумагой», поиск «равноценной сущему абсолютной строки» [Леонов 1984, т. 10: 520], становились нормой, подготовившей возникновение самоценного художественного образа. Генезис всеохватной жизненной мысли писателя определен А. Г. Лысовым, прочитавшим «Пирамиду» как «роман-гнозис (здесь и далее курсив авторский. – А. Д.), замешанный на ренессансном, гармоническом сочетании многообразных дарований Леонова, на его великом творческом опыте (ровесник XX века) писателя, ученого, поэта, прекрасно владевшего и стамеской, и штихелем, и кистью живописца» [Лысов 2004: 213]³.

Процесс леоновского творчества можно назвать закрытым: он редко показывал черновики даже близким людям, запрещал публиковать ранние рассказы, по несколько раз исправлял законченный, казалось бы, текст.

Леонов постоянно совершенствовал свои

³ По А. Лысову, роман-завещание Леонова – «персонификация соловьевского идеала всеединства знания, <...> энциклопедичности его знаний в сфере культуры, специальных областях: от естественных наук, математики, физики до военного дела, не считая знания языков, детального живого ведения сфер национальной культуры, ветвей русского «народного православия» [Лысов 2004: 213].

произведения. Почти все они существуют в нескольких редакциях. Так, роман «Вор» перерабатывался четыре раза (первая публикация – «Красная новь», 1927, четвертая версия подготовлена в начале 1990-х гг.) В новых вариантах текста появляются вставки, переписаны многие страницы. Эпизоды, монологи и диалоги, авторские отступления и ремарки исправлены с точки зрения стиля, соответствия ситуации, смыслу речевого события⁴.

В обстоятельном отношении к своим созданиям обнаруживаются крестьянская жилка писателя, навык искусного мастерового. Предельное усердие в любой работе – родовое леоновское качество. Мечтавший в юности стать художником, он увлекался художественной фотографией, резьбой по дереву, коллекционировал редкие растения. Сам перекопал и осушил землю на арендованном еще до войны участке в Переделкино, превратив его в небольшой «ботанический сад». Леонов сохранил привычку к труду и тогда, когда будет «старить» бумагу для своих первых рукописных произведений, выписывать буквы на церковнославянском языке, украшать текст рисунками в стиле иконных клейм. Заниматься столярным, слесарным, токарным делом, мастерить мебель Леонов продолжал вплоть до середины 1970-х.

По отцу и матери корни Леонова – крестьянские. Дед и прадед были деревенскими жителями (Калужская и Ярославская губернии). Отец, Максим Леонович Леонов, родившись в калужском селе Полухино, переехал с семьей в Москву, стал известным поэтом-народником, книгоиздателем, выпускал газеты и журналы.

Свой литературный путь Леонов начинает с поэзии. Первые стихи будущий писатель публикует в редактируемой отцом архангельской газете «Северное утро» летом 1915 года. Позднее были написаны рассказы в сказовой манере. В 1917 году юный литератор – с оглядкой на фольклорный образ младшего брата – сочиняет сказку «Царь и Афоня». Ранние произведения, такие как «Деяния Азлазивона» (1921), рассказ «Про неистового Калафата», вошедший в роман «Барсуки», создаются по образцам духовных стихов, древнерусской житийной прозы. Дальше в его биографии будут добровольное вступление в Красную армию, Южный фронт, Крым, снова Москва, работа в редакции газеты Московского округа «Красный воин» и неудачная попытка поступить в университет.

За три четверти века участия в литературном процессе (начало 1920-х – август 1994 года) Леонов напишет десятки рассказов, множество очерков, публицистических и литературно-критических статей, повестей, пьес, семь философских романов. Не потеряли своего значения работы Леонова-критика, посвященные автору «Горя от ума», А. М. Горькому, А. П. Чехову, Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому, драматургии Шекспира.

Леоновские произведения – от содержащих отклик на события Октября, которые захватили все сферы русского самосознания, от «Барсуков»

⁴ См. об этом: [Вахитова 2009].

(1924) и «Вора» (вышел в 1927 г.), картины строительства бумажного комбината на волжском притоке («Соть», 1930) до философско-мистической «Пирамиды» (1994) – воплотили многовековую историю духовной и социальной жизни Руси-России. Реальные перемены в человеке эпохи социализма запечатлены в романе на тему вранства старой интеллигенции в новый мир «Скутаревский» (1930–1932), фантастическом сюжете «Дороги на Океан» (1933–1935), философско-психологической повести «Evgenia Ivanovna» (1938–1963).

Замечательны местнографические зарисовки Леонова, проникнутые чувством любви к родной стране: «Падение Зарядья», «Послесловие Зарядью». Патетика статьи о Москве («Наша Москва», 1941), репортажей с Харьковского и Нюрнбергского процессов, в которых разоблачается миф о «первородстве Запада», связана с воскрешенным в ходе Великой Отечественной войны национальным достоинством. Высоким патриотизмом проникнута публицистика 1940-х годов и изданные в 1960-е – 1980-е годы статьи в защиту «зеленого друга», культурно-исторических памятников Отечества.

Героину и нелегкую правду о войне раскрывает драматургия Леонова: драма «Нашествие» (1942), трагические сцены «Лёнушки» (1943), повесть о подвиге экипажа танка Т-34 «Взятие Великошумска» (1944), четыре действия «Золотой кареты» (1946, 1955, 1957). Пьесы, объединенные идеей исторической памяти, верой в победу, передают перемену духовного состояния общества.

«Русский лес», удостоенный Ленинской премии (1953), – первый в ряду философски полноценных произведений русской советской литературы о сакральном отношении народа к природе. Роман строится на зеркальности сюжета и характеров, образа леса и судеб героев. Смысловая симметрия проявилась в нем на уровне языка, а также в философской символике, разветвленных метафорах. Образ леса в романе – объективный знак исторической географии России, субстанциональная часть русской природы, фольклорный архетип. Идиома «Русский лес» – метонимия народной судьбы – являет собой метафору взаимосвязи двух миров: человеческого и природного⁵. Автор лесной эпопеи переходит от изображения минувшего к настоящему. Ленов отдаст центральному герою – «лесному профессору» Ивану Вихрову – собственную сокровенную мысль: «любовь к родине, чем пишется национальная история, немислима без бережного обхождения с дарами природы, представленными в распоряжение не одного, а тысячи счастливых и разумных поколений» [Леонов 1984, т. 9: 175]. Верность долгу и Отечеству осмыслена Леоновым в единстве с мотивом спасения российской «зеленой казны».

Универсализм леоновского эстетического сознания проявился в поиске ответов на злободневные вопросы XX столетия: пути человечества в эпоху духовного Апокалипсиса, будущее культуры и человеческой цивилизации. Построив своими

произведениями своеобразную «моральную вселенную», Леонов предупреждает об угрозе всеобщего поклонения «золотому тельцу». В противовес торжеству «грядущей сытости», строительству новой вавилонской башни, он приглашает людей к подлинной жизни.

«Пирамиду», последнюю книгу писателя, отличает взаимопроникновение эстетического и религиозно-мистического опыта. На последнем этапе его творческой жизни усиливается роль метафор, отсылок-аллюзий, реминисценций, метафорических реплик из Священного Писания⁶.

Смысловый центр раздумий писателя-философа над антиномичным полярным естеством человека, суть его антропологии, составляют христианские идеи – идеи творения, грехопадения, конца света и возможности спасения души. Для того чтобы сюжетно означить эти авторские предикаты, Леонов отсылает читателя к евангельскому эпизоду допроса Иисуса Пилатом, прокомментировав безверие римского наместника Иудеи: «<...> и скептический разум не прочь заглянуть за черту логической видимости, вопреки всегдашнему опасенью остаться в дураках» [Леонов 1994, т. I: 394]. Матвеем Лоскутову – священнику расположившейся на окраине Москвы церкви, снесенной в конце «десятимесячной старо-федосеевской эпопеи» [Леонов 1994, т. II: 663] – предстоит пережить религиозную трагедию, вызванную искусом вероотступничества. Надеясь своего протагониста способностью найти путь к истине, Леонов оттеняет духовно-действенный смысл слова. Указывается его особое, «полусознательное начертание» в сознании героя, на то, «что оно есть личного пользования достояние, – м е д бытия, но я д – как <...> обязательный кодекс норм, параграфов и эталонов» [Леонов 1994, т. I: 395].

Как и в эстетическом умозрении Достоевского, в произведениях Леонова идеальный и реально-исторический уровни бытия нерасторжимы. А. Г. Лысов, сравнивая леоновское ценностное отношение к природным основам национальной души с ее христианской огласовкой у А. Платонова, заявлял, что абсолютное по ходу исторической жизни может «оплотняться». Сверх того, литературовед пишет о небесно-земной дихотомии мыслеобразов Леонова, рекомендует отказаться от прочтения его текстов на «удобном», первом этаже смысла. Нужны «весь образно-метафорический “небоскреб в разрезе”, понимание и фундаментальной глубины основания, и высоты, достигнутой при таком расчете художественной конструкции. Только тогда и будет осознана направленность структурных компонентов романа, их ориентированность на сферу идеала» [Лысов 2005: 124].

Богатство словарного запаса Леонова удивляло всех пишущих о нем. В составе языка ровесника XX века мы видим самые разные слои русской лексики: просторечно-разговорный, диалектный, изводы старославянского языка: московский (старобрядческий), современный (язык богослужения

⁵ Подробнее см.: [Дырдин 2023].

⁶ См. об этом: [Дырдин 2023].

Русской православной церкви)⁷, живую речь советской эпохи. Авторский язык – вместе с энциклопедичностью – несет в себе элементы философского сознания.

К многоаспектному исследованию русской культуры, ее религиозных, народно-православных оснований ведет эстетическое чувство, в котором сходятся повседневное с ненарушимыми бытийными установлениями. Художник метафизической направленности, Леонов соединяет в своем творческом сознании три типа мышления: художественное, философское, образно-символическое (метафорическое). Это диалектический синтез вымысла, визуального зрения, являющегося атрибутом пластических искусств⁸ и составной частью личного опыта живописца.

Национальное сознание и эстетика Л. М. Леонова

В леоновском художественном мышлении сплавляются метафизическое начало и объективное, достоверное отображение действительности. Мыслительное пространство текста складывается с помощью многослойной символики. В леоновской философии природы нашли отражение натурфилософские идеи начала XX века. Глубинные измерения человека и природы связаны у Леонова с русским космизмом, эстетикой П. А. Флоренского. Философ и богослов, инженер, священник и филолог соотносил эстетический критерий ценности с проблемой символа. Флоренский находит в вещественных формах, таких как предметы искусства, культовые знаки, иконы, внутреннюю ценность. По его убеждению, «графический образ, подобно слову, может служить для выражения определенных идей в самых различных планах сечения, но сами по себе эти идеи и их носители – графические образы – лежат вне индивидуальных интерпретаций, они составляют достояние всего человечества» [Флоренский 1996: 570].

Леонов тяготеет к идеям русской историософской мысли. Из представления об исходном бытийном начале, вобравшем «<...> в себя множество философских ипостасей, национально окрашенных фантастических мифов» [Леонов 1984, т. 10: 547], возникла художественная реальность, которая разворачивается как соотношение субстанционального и эмпирического, мира идей и мира вещей. События и характеры, доведенные до художественной завершенности, перемещаются в иносказательный, ассоциативный план. Авторская

«философия жизни» согласована с народным миропониманием, с материально-предметным слоем русского быта. Изучая леоновские тексты в этом аспекте, С. Г. Семенова обратилась к леоновскому воссозданию «смысла жизни в самой жизни, в ее пахучей плоти, неисчерпаемости красок и форм, в игре стихийных сил инстинктов, в ее гармонии и контрастах» [Семенова 2001: 35]. Отсюда у Леонова – духовно-национальный срез окружающего мира, земной круг человека: природа, созданные им сооружения и вещи, предметная культура, метафизика простых вещей: «И только человеческим бытием всё связано воедино в прочный и умный узел. Не было бы человека на ступеньке, задумчиво следящего за ходом вещей, – не облетали бы с деревьев последние листья, не гонял бы их незримым прутиком по голому полю ветер – ибо не надо происходить чему-нибудь в мире, если не для кого!» [Леонов 1982, т. 3: 9]. В поисках онтологической меры идеального и материального бытия Леонов объединяет его верхние и нижние горизонты, захватывая сферу субъективную – собственное существо. Духовная среда автора является промежуток, точкой перехода от жизненных коллизий к образному воплощению авторского замысла.

Принципы множественных отношений человека и мировых реалий, зеркального воссоздания высших ценностей – «большого в малом», – неделимости мысли и дела, идея двоящегося пространства выразились уже в ранней романистике Леонова.

Картины традиционного жизненного уклада имеют кардинальное значение для характеристики персонажей романа «Барсуки» (1923–1924) – от запряженного тройкой ямских лошадей тарантаса, бытовых устоев зарядьевского купечества и ремесленников, запахов и красок бакалейных лавок, трактиров и харчевен до древней церквушки Николы Мокрого и повседневного труда шапочника Катюшина. Леоновскому герою предназначено не только «нестареющей рукой простегивать картузы и меховые шапки для покрытия чужих голов» [Леонов 1982, т. 2: 21]. Был он автором виршей «о горькой доле подневольного мастерового люда» [Леонов 1982, т. 2: 22]. В корзинке зарядьевского кустаря-стихотворца хранились книжки народных сочинителей «с незатейливой песней о любви, о нищете, о полынной чаше всяческого бытия» [Леонов 1982, т. 2: 22]. Неслучайно упомянуто то, что доставляет радость катушинской жизни – чтение книг. С Сенькой, младшим из братьев Рахлеевых, будущих романтических антагонистов, шапочник-грамотей поделится впечатлением от хороших книг: «прочтешь, точно в баньку сходишь» [Леонов 1982, т. 2: 22].

Баня – неотъемлемая черта русской природы. История бани на Руси, отзывы о ней М. Шолохова, А. Толстого, А. Твардовского, Вяч. Шишков, П. Васильева, П. Орешина, С. Клычкова составили неизданный том леоновских сочинений. В. А. Десятников, ознакомленный с собранными Леоновым за 55 лет (с 1927 г.) материалами о традициях «банного мытья», охарактеризует их как ценный

⁷ А. В. Степанов, называя версию языка «Пирамиды» «коварной своей стилистической природой», отмечает, что Леонов ввел в текст «церковнославянскую лексику и фразеологизмы из так называемого “церковного жаргона” (т. е. языка народного православия. – А. Д.) на широкое восприятие ее исконной аксиологией (наукой о добре) и народной герменевтикой» [Степанов 1999: 67–68].

⁸ Экфрастическое мастерство Леонова, обращение к образам мировой и отечественной архитектуры, живописи, музыки рассмотрены А. А. Дырдиным и Ю. В. Жуковой в работах 2018–2022 гг., опубликованных в журналах «Проблемы исторической поэтики» и «Филологический класс». См., например: [Дырдин, Жукова 2022].

источник знаний о русском этносе⁹.

Процесс рождения художественной плоти образа демонстрирует комментарий Фирсова – «двойника» писателя из леоновского «Вора»: «Начиналась мучительная пора, когда только проступившие из небытия еще зыбкие герои, в чужой, пока, перепутанной одежде, с неустоявшейся речью, занимают отвденные им места, и требуется ужасное напряжение воли, какое-то почти магическое слово – заставить эти клочья ожившего тумана вступить в правдоподобную игру, смеяться и плакать – так, чтоб над ними прослезилась современники» [Леонов 1984, т. 5: 125].

Пролог романа открывается мелодией, объединяющей философский и объективно-конкретный уровни произведения. Вот как передано это чувство, движение от обыденного к предельным горизонтам, от природной жизни к духовной стороне дальнего пути: «<...> лежат просторы незастроенной земли, чтоб на них родился и отстрадав свою меру, окончился человек <...>. И только человеческим бытием все связано воедино, в прочный и умный узел. Не было бы человека на ступеньке, задумчиво следящего за ходом вещей, – не облетали бы с деревьев последние листья, не гонял бы их незримым прутиком по голому полю ветер – ибо не надо происходить чему-нибудь в мире, если не для кого» [Леонов 1984, т. 5: 9].

Мышление художника, которое определено нами как символично-реалистическое, относится, по современной лингвистической классификации, к герменевтическому типу¹⁰. Метафора «незримый прутик» – один из примеров метонимической метафоры, переносного употребления слова, определяющего смысловое развитие образности Леонова.

Важнейшее свойство эстетики писателя философского склада – символизация идей. Он использует формы мифа, видения, сна, «всякого рода откровения – все это быстротекущее, ускользающее чудо бытия» [Леонов 1984, т. 10: 551]. В них, а также в философских фрагментах повествования проявляется отсылающая к народнопоэтической традиции, эстетике русского фольклора стилизованная особенность. Она, по замечанию А. В. Степанова, выражена во «всеохватывающей неожиданной реакции на любое слово русского языка и *русскоязычия* XX века, в его неограниченной способности на окказиальную сочетаемость» [Степанов 2001: 158].

⁹ Владимир Александрович Десятников – художник, искусствовед, реставратор икон. В пятитомном «Дневнике Русского» [Десятников 2010–2013] восстановил неизвестные эпизоды леоновской биографии. На протяжении нескольких десятилетий был собеседником Л. Леонова, сопровождал его в поездках по святым местам России (Троице-Сергиева лавра), прогулках по Москве. Будучи одним из литературных секретарей Леонова, принимал участие в подготовке к печати «Пирамиды», читал ослепшему автору фрагменты первого (журнального) издания романа.

¹⁰ Современный последователь лингвофилософского подхода к художественному тексту Л. О. Чернейко пишет, что в данный тип – с акцентом на восприятие и познание – входит чувственное (предмет проецируется на предмет: стена теней), символическое мышление (абстракция проецируется на предмет: стена непонимания) [Чернейко 2021].

Фрактальная теория и форма леоновской художественной мысли

Произведения Леонова исполнены интенсивной работой мысли и памяти, позволяющей аккумуляровать логосные основания религиозных учений, искусства и науки¹¹. Перечисление библейских пророков, христианских богословов, философов, писателей, живописцев заняло бы несколько страниц. Все они наделяются референтной, посреднической возможностью, помогая генерировать новые идеи и емкие мыслеобразы. Энциклопедический кругозор Леонова – предпосылка становления мыслительной структуры его книг, симптом рефлексивного типа мышления писателя и принцип поэтики. Проблематика им созданного воплощается в едином образном поле, куда входят, помимо вымышленных героев, деятели русской и мировой истории, религиозно-мифологические, литературные герои. В этом мире, собранном из множества природных и бытовых картин, сюжетных топосов, разноплановых ассоциаций, рождаются индивидуальные леоновские метафоры, сосредоточения многослойного смысла. Леоновым выстроена анфилада семантических значений. Это целостная онтологическая система, которая выводит писателя на уровень недожинного философа, художника, по-новому претворившего образы-представления предтеч, мыслителей и литературных гениев античности, Средних веков, эпохи расцвета европейской и отечественной культуры. Такое «содружество» идей и имен содействовало построению надежных звеньев леоновской эмблематики. Писатель-философу открылись эстетические измерения, укрепляющие его символично-реалистическое сознание. Символы и метафоры стали у Леонова формой кодирования художественной действительности. В то же время он верен принципу непосредственного изображения жизни, согласуя символы и иные средства выразительности с синтетичностью реалистического метода.

Интерпретация наследия Леонова – создателя жанра философской прозы с богатой системой метафор, обладающих свойствами фрактала¹², – намечает новое направление изучения его творчества.

Конструктивны в случае Леонова идеи синтеза искусства и естественных наук. Без этого взаи-

¹¹ Энциклопедизм мировоззрения сближает Леонова с философией и наукой так же, как словесная изобразительность, используемые им пространственные формы и символы – с графикой и живописью.

¹² Термин «фрактал», который характеризует пространственно-временную организацию текста у Леонова, заимствован из языка математика Бенуа Мандельброта. Применяя формулы линейной геометрии пространства Г. Кантора и Г. Минковского для обозначения дробных размерностей, он основал учение о фракталах – самоподобных объектах с бесконечно повторяющейся структурой. Опираясь на теорию Мандельброта, М. Г. Старолетов распространяет идею фрактальности на сферу психолингвистики. Для него каждый неоднолинейный словообраз – это смысловой фрактал, пружина «развертывания» глубинного смысла в структуре текста» [Старолетов 2005: 86]. О теоретическом значении и методологической ценности идей фрактальной геометрии см.: [Волошинов 2002; Морозов 2022].

модополнения сфер знания и способов осмысления окружающего мира остаются непонятыми эстетические ориентиры писателя. Форма леоновского художественно-философского мышления стереоскопична. Для ее раскрытия требуется пространное цитирование. Интонациональность и наполнение выговоренной мысли зависят от активности двух сторон художественного сознания: выразительной силы образов и логических построений, «интегралов», «логарифмов мысли» (Леонов). Названные мыслеобразы служат авторскими указателями в пространстве итеративных идей, взаимопроникающих мотивов литературы и мифологии, философско-исторических концепций.

В. А. Ковалев сравнивает эволюцию леоновской мысли с движением по спирали. Символика этой геометрической формы заложена в названии фрагмента «Пирамиды», опубликованного в 1987 г.¹³ «Движение по спирали, виток на новом уровне» [Ковалев 1974: 289] – так «формализуется» координата леоновского мировидения. По мнению леоноведа, планетарное мышление Леонова сопряжено с проблемой призвания и места человека в мире. Это взаимодействие эстетически и социально значимых изменений в обществе богато содержанием.

Подхватывает традицию изучения леоновского нелинейного мышления Н. И. Зайцев. Расшифровывая мировидческие иероглифы «Пирамиды», «леониды» и «радианты» (термины Н. И. Зайцева) образного строя романа, филолог и публицист обратился к поэтической оптике прозы Леонова, «где метафора свободно переходит симфорическое и параболическое поля и начинает разыгрывать Баха, притягивая емкостью метонимических аллюзий, иронией и философской символикой образов» [Зайцев 2009: 257]. Н. И. Зайцев считает, что «нанотехнология письма», «рентгенокопия со знаками на микроволновом уровне» [Зайцев 2009: 257] появились у Леонова много раньше – в 1930–1940-е гг. Филолог и публицист задается риторическим вопросом: в «Пирамиде» «ультрафиолетовая ключевая форма должна была стать единственно найденной, совершенной глубокою емкостью и легкой для читателя, – ибо кто сказал, что человек и роман должны быть легкодоступным чтивом?» [Зайцев 2009: 258]. Вне сомнения, без синтезирующих научное знание и опыт литературы словоформ читателю непросто уловить подлинный смысл ассоциаций и метафор, «спирально-ячеистой конструкции гуманистической космогонии Леонова» [Зайцев 2009: 259]¹⁴.

В XIII главу первой книги «Пирамиды» введено уравнение, содержащее математические координаты места во Вселенной героев романа и само-

го автора-персонажа¹⁵. Ангел Дымков нарисует «чертеж махины сущего» «почти по Лоренцу, пальцем по свежьевывавшему снежку» [Леонов 1994, т. II: 163]. И далее дается «инженерная схема мироздания», переплавляются компоненты визуального и образно-символического умственных порядков: «Машина мира выглядела символическим кружком из двух внутри близнецов-головастиков, как у древних китайцев обозначалась структура неразрывного и равноправного единства противоположностей – света и тьмы, зимы и лета, плюса и минуса в данном случае» [Леонов 1994, т. II: 168].

В. В. Компанеец и Ю. А. Ковалева прочитывают закатный роман Леонова в той же парадигме. Система символов привязана к геометрическим формам и знакам, их смысловым метаморфозам. Исследователи свободно оперируют объемными фигурами для того, чтобы придать им особенную, концептуальную весомость, провести параллели между ними и композицией, наделить идеологическим, социальным значением.

Главное геометрическое тело, через которое осуществляется связь реальности и символической мысли писателя, – пирамида. За этим повторяющимся образом-конструктом закреплена функция синекдохи, соотнесения графических схем с романским содержанием. Пирамида означает в первую очередь социальную страту, властную структуру «с абсолютным властелином на вершине плотной плутократической элиты, а ниже – прочие порабощенные касты от чиновничьей знати до безгласой, раздавленной тяжестью верхних черни, рабы» [Леонов 1994, т. II: 56–57]. Второй раз пирамидальный символ появляется на знаменах «двух еще более непримиримых, чем даже в наши дни, лагерей человечества при их финальном столкновении» [Леонов 1994, т. II: 57]. Вадим Лоскутов – сочинитель этой графической идеограммы – «машинально, ногтем по клеенке», прочертил условные символы: – и \wedge . «В конечном счете, “теория тире” переходит в “теорию клина»» [Компанеец, Ковалева 2005: 47]. Видя в абстрактной форме пирамиды схему государственного устройства, исследователи леоновских графических форм констатируют: «При наложении клина на тире получаем равнобедренный треугольник, элементарное изображение пирамиды» [Компанеец, Ковалева 2005: 47].

Логико-смысловая организация текста в произведениях Леонова напрямую зависит от восприятия мира в контексте национальной истории, философски развитых представлений о миропорядке. Наряду с этим, его полиномичная мысль облачена в плоть, является одним из состояний материи: «мысль рисуется шестую, после пяти предшествующих, фазой единого вещества и очередной ее уже мерцающей ступенькой при восхождении в запредельную и все еще не окончательную высь, откуда раскрывается глубинная па-

¹³ См.: Леонов Л. М. Спираль (отрывок) // Роман-газета. 1987. № 13 (1067). С. 86–89.

¹⁴ Н. И. Зайцев подчеркивает, что леоновская развертка мироздания в пространстве и времени «выглядит надмирной в сравнении с мерно текущей народно-поэтической стихией, этой первородной сущности жизни» [Зайцев 2009: 259]. При всем том, «игра на логарифмах» остается важным приемом символизации у Леонова.

¹⁵ Д. В. Заваров пишет о противостоянии реального Леонова и «его “альтер-эго”: автора Леонова неуправляемого, самовольного и не признающего главенства и авторитета писателя Леонова» [Заваров 2023: 116].

норама мироздания» [Леонов 1994, т. II: 235].

Леонов заимствует из формального языка математики знаки графического алфавита. Принципиальная для понятийной системы автора «Пирамиды» схема разворачивается в «Западне» – 2-й главе последней части романа. По идейно-символическому содержанию она автономна, представляет собой значимый элемент онтологической логики писателя. Смысл леоновских логограмм, символизирующих жизнь обитателей планеты в государствах с различным общественным и политическим строем, выражен в тираде востоковеда Филуметьева: «В той отдаленной, практически немислимой стадии, если совместно не перешагнуть бездны, оба тезиса, утратившие первичный смысл и все еще непримиримые, переродятся в разнополюсные иероглифы тире и клина (т. е. прямой линии и острого угла. – А. Д.) сообразно их социальным построениям: двигаться к солнцу в братской шеренге, плечом к плечу или кометой устремляться в ночь с единым мозгом на острие и несметным людским роем позади, чтобы где-то за рубежом истории взаимно исчезнуть в братском объёме короткого замыкания, вторая подразумеваемая вами версия, кончается рабством, что сто- крат хуже...» [Леонов 1994, т. II: 224].

Формы воплощения мысли в художественном мире Леонова разнообразны. Это мотивы, несущие в себе концепты мировой и христианской культуры, вставные фрагменты – от эпиграфа и эпиграфы до снов, видений, исповедей, сюжетов сказок, легенд, имен героев, метафорических образов. Конструктивным компонентом сюжетно-смысловой логики у писателя философского склада является закольцовывание дискурсивных сцеплений – «знаковых фигур семантико-поэтического повтора» [Якимова 2022: 232]. В них сосредоточены идеографические доминанты текста. Они, концентрируя энергию художественной мысли, создают особую интенциональность повествования. Вложенные в форму перифраза, синекдохи эти фигуры приобретают эстетическую ценность.

Леонов неоднократно включает в текст «Пирамиды» другие формы символизации социальных реалий. Идейно-конструктивным звеном романного повествования станет живописный экфрасис. Вадим – один из романых героев-идеологов – проводит образную параллель: «Улов рыбака Брейгеля, где в нисходящем порядке показана целая галерея рыбин одной и той же породы, причем у каждой, начиная с великанши, из разверстой пасти торчит головица проглоченной жертвы, и без микроскопа не рассмотреть добычу малька, едва-едва вышедшего из икринки» [Леонов 1994, т. II: 225]. Здесь использован метафорический перенос, наложение рамки мышления писателя-философа на образы-идеи нидерландского живописца и графика Питера Брейгеля старшего.

Семантико-эстетическая функция леоновских «интегралов» может быть раскрыта через категорию фрактальности. Сегодня понятие о фракталах – рекурсивных геометрических структурах – вторгается в пространство гуманитарных наук (см.:

[Хандогин 2019]). Фракталы, поняты как безграничная метафора, способствуют перенесению смыслов из одного класса объектов в другой. Подобную семантическую модель находят в «Двенадцати» А. Блока [Волошинов 2007].

Изучение художественного мира Леонова с использованием фрактальной концепции ведется нами в рамках проекта «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы. А. П. Платонов, Л. М. Леонов А. В. Иванов», поддержанного грантом РНФ (см.: <https://www.rscf.ru/project/23-28-00905>, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53913376>). Обсуждение работы коллектива в 2023 г. на семинаре и сайте проекта показало действенность избранного подхода. Эффективным оказалось применение фрактальной «оптики», философско-эстетических категорий самоподобия и повторяемости при анализе композиции у А. Платонова, его драматургии (параллель между платоновской пьесой «Ноев ковчег. Каиново отродье» и графическим романом А. Мура «Хранители»), мистико-фантастического романа А. Иванова «Пищевлок» на основе метафорического принципа миромоделирования (см.: eLIBRARY ID: 53913376).

Изучение творчества А. Платонова, Л. Леонова, А. Иванова в заданном направлении продолжается. Задача нового этапа исследовательского поиска – анализ специфики графического отражения процессов ассоциативного мышления, градации, развития структур, признаков фрактальности, существенных для поэтики и идеологии писателей (при всех стилевых, мировоззренческих различиях между ними).

Некоторые итоги и перспективы изучения наследия Л. М. Леонова

Подытоживая сказанное выше, обозначим потенциальные линии развития науки о Леонове – художнике с внутренне-цельным духовно-национальным мировидением. Ссылаясь на разнообразные истолкования леоновского творчества, отметим те из них, которые, на наш взгляд, наиболее перспективны.

Современные тенденции изучения творчества Леонова (идеалистическая, ортодоксально-советская, оправдательная, охранительная, «академическая», культурно-мифологическая) в общих чертах рассмотрены Т. М. Вахитовой (см.: [Вахитова 2006: 3–4]). Добавив к перечисленным теоретическим моделям определение «гибридный метод», леоновед действительно предлагала переоценить наследие писателя. Вернуться к прочтению его произведений с учетом результатов работ советского времени и первого десятилетия XXI века – насущная задача леоноведения.

Итоги изучения творчества Леонова в 1980-х – начале 2000-х гг. подведены А. Г. Лысовым (см.: [Лысов 2007]). В этой работе намечаются методологические предпосылки дальнейшего постижения духовно-эстетических открытий Леонова. Почти два десятилетия назад известный леоновед вынес на обсуждение темы «Россия, Восток и Запад» в аспекте различия «этносов отличных друг от друга

ментальных качеств и сущностей Запада и России» [Лысов 2007: 25], проблемы активности авторского идеала, влияния на Леонова славянофильских идей.

В. И. Хрулев пишет о трех факторах, обусловивших особенное в мировоззрении, эстетике и поэтике Леонова. Во-первых, следование традиции критического реализма. Вторым фактором названы долголетие писателя и его сопричастность историческому времени, ключевым событиям жизни страны на протяжении минувшего века. Помощник писателя на последнем этапе подготовки к печати «Пирамиды» обратил внимание на то обстоятельство, которое часто не замечается исследователями леоновской биографии: «успел увидеть дореволюционную Россию, оценить уклад ее жизни; был участником Первой мировой войны, свидетелем падения российской империи, самовидцем полного цикла истории построения нового общества, движения к «светлому будущему» с октября 1917 года до распада СССР и погружения России в полосу смуты и национального унижения» [Хрулев 2015: 3].

Третья детерминанта леоновского изображения «русского парадокса» [Леонов 1984, т. 2: 213] – уплотнение художественной мысли, «философичность, ирония, символика, емкость образа, многозначность повествования, психология искусства как инструмента и грани поэтического преобразования действительности» [Хрулев 2015: 4].

Пространство мышления Леонова пластично и многомерно. Его архитектуру можно сравнить с анфиладной планировкой. Являясь на поверку разветвлением смысловых линий, такой способ построения текста основан на переходах из одной культурной сферы в другую. Ритм движения мысли задается чередованием повествовательных микро- и макроструктур – существенных по значению мыслеформ, предложений автора и персонажей. В них объективированы представления Леонова о мире и человеке, судьбах «русской веры» и цивилизационной общности. Обратившись к проблемам герменевтики текстов Леонова, Л. П. Якимова указала на контрапунктный характер мысли писателя, остановилась на случаях инверсии «эмоционально-смысловых акцентов» [Якимова 2011: 139].

Практика истолкования эстетического новаторства Леонова-мыслителя подхватывается новым поколением литературоведов. К. С. Когут постулирует в раннем рассказе писателя, двойственном по жанру, совмещающем признаки идиллии и апокалиптики, зависимость принципов моделирования мира от двойственных ассоциаций. Особенность моральной позиции Леонова отыскивается «не в еретическом своеволии автора, а в его глубинном прозрении» [Когут 2016: 424].

Симптоматичной можно считать трактовку предсмертного романа Леонова как изначально направленную на философско-символическое осмысление мира [Воробьев 2019]¹⁶. В восприятии

его многоплановой мысли многое зависит от умения интерпретатора войти в мир сверхчувственного, непознанного.

Перспективные направления в изучении творческих открытий Леонова – текстология, система второстепенных героев, семантика и функция имен, энциклопедичность как феномен леоновского стиля. Сцепление действительных событий и повально истолкованных образов христианской словесности, народно-религиозных текстов, их «фантазирующего сюжетосложения» (С. С. Аверинцев) иллюстрирует своеобразие творческой позиции писателя. Данная особенность эстетического сознания Леонова значима при обсуждении проблемы его влияния на отечественную литературу XXI века. Имеются основательные аргументы для постановки этого вопроса, равно как и обстоятельный исследовательский анализ рецепции леоновских произведений в современной отечественной прозе¹⁷.

Современным леоноведом предстоит сделать больше, чем успели сделать предшественники. Все созданное писателем-философом должно пересмотреть в соответствии с принципами духовно-символического реализма, в критериях национальной эстетической мысли. Для леоновского художественного сознания естественны и духовная символика, и бытописание, материально-культурная сторона народной жизни, познанная в своей эстетической ценности. До сих пор не раскрыта в полной мере сущность индивидуально-авторской позиции в ранней прозе Леонова. Литературоведы редко касаются бытовой красочности леоновских «Записок Ковьякина» (1924), «Петушихинского пролома» (1927), «Необыкновенных рассказов о мужиках» (1928), «Бурыги». Вне внимания критики остается тема «Леонов-литературовед», заслуживающая углубленного исследования. Ближе всего к объективной оценке леоновского критико-публицистического творчества подошел Г. Г. Исаев¹⁸.

Основа композиционных решений Леонова – принцип повтора и параллелизма. В поэтике Святого Писания и в древнерусской литературе он стал одним из центральных. Леоновское слово, обладающее фрактальной природой, сохраняет метафизическую энергию, из чего явствует, что читателю предлагается самолично найти путь к раскрытию его содержания¹⁹.

ций теории неопределенности, в понятиях многозначной логики и триалектики. См.: [Воронин 2019].

¹⁷ А. Ю. Большакова связала сегодняшнее обращение писателей к наследию Леонова с «разворотом к переосмыслению классики XX века», тенденцией к возрождению смыслов, «утраченных в реформистском угаре», которая отражается на художественном качестве новой прозы» [Большакова 2010: 124].

¹⁸ Значим вывод исследователя об эволюции мысли писателя-критика «как единого типологического комплекса с общими идейно-эстетическими тенденциями, национальными художественными традициями» [Исаев 1993: 4].

¹⁹ Стимул читательского интереса к Леонову – новейшие леоноведческие исследования. Важен в этом смысле не только вклад филологов, но и книга-биография «Игра его была огромна» (2009) – в новой редакции «Подельник эпохи» (2013, 2019) – Захара Прилепина. Наряду с этим подробным путеводителем

¹⁶ Философский, логико-концептуальный подход применяет В. С. Воронин, когда рассматривает романистику Леонова с пози-

Выводы

Мысль Леонова развивалась в контексте русской и мировой культуры, отечественного народо-знания. На этой благодатной почве возникла система представлений и образов, созданная по принципу взаимоотражения народного бытия и природы. Огромное пространство России у Леонова предстает в геофилософском ракурсе. Природа воспринимается как чудо, вселенская сила. Стиль Леонова основан на единстве метафизики и предметного мировидения. В этой целостности есть общая точка, координирующая развитие идейно-смысловой и художественной сферы произведения. Мысль Леонова удерживает в границах повествования предельные горизонты жизни и вещно-бытовой срез действительности, захватывая ее в неповторимо-индивидуальном образе. Леоновская рефлексия сконцентрирована на коренных проблемах жизни России, самобытности путей ее исторического развития. Авторские метафоры, становясь важнейшими элементами идиостиля писателя-философа, явились смысловой осью сим-

по леоновскому творчеству, писатель подготовил вступительную статью к сборнику ранней леоновской прозы (2009) и собрание сочинений Леонова в 6-ти томах (2013).

волико-реалистической, национально-окрашенной картины мира. «Мыслительная система» (Леонов) писателя обуславливается христианской символикой, аллегориями, построенными на разветвленных фрактальных метафорах. Метафоры-метонимии душевного огня, дьявольского искусства, бесовской игры выступают (главным образом в поздних произведениях) как отсылки к эпизодам внутреннего видения в патериках, житиях, русской духовной прозе.

Эстетическая философия Леонова обретает силу, соприкасаясь с материальными и духовными формами бытия. Идеал «всемирной отзывчивости» – свойственный русскому национальному сознанию, не противоречит вере в «великанскую судьбу России» [Леонов 1984, т. 10: 153], общенациональной воле, поддерживающей «идею народную среди сменяющихся поколений» [Леонов 1984, т. 10: 546].

Энергия леоновских идейно-художественных решений направлена на выявление нравственной сущности человека, связана с темой о его земном предназначении. «Жизненно необходимо, – говорит Леонов – чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, – из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие» [Леонов 1984, т. 10: 547].

Источники

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 2. Барсуки: Роман / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1982. – 328 с.

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 3. Вор: Роман / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1982. – 614 с.

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 9. Русский лес: Роман / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1984. – 736 с. : ил.

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1984. – 631 с.

Леонов, Л. М. Пирамида. Роман. Т. I. – М. : Голос, 1994. – 736 с. Т. II. – 688 с.

Леонов, Л. М. Спираль (отрывок) / Л. М. Леонов // Роман-газета. – 1987. – № 13 (1067). – С. 86–89.

Литература

Аверинцев, С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики / С. С. Аверинцев // Древнерусское искусство: (Зарубежные связи). – М. : Наука, 1975. С. 371–382.

Большакова, А. Ю. Леонид Леонов и современная русская проза / А. Ю. Большакова // Наследие Л. М. Леонова и судьбы русской литературы : материалы VII Международной научной конференции / составитель, ответственный редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – С. 122–131.

Вахитова, Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура поэтика, эволюция) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. М. Вахитова. – СПб., 2006. – 45 с.

Вахитова, Т. М. Принцип переписывания в текстологии Л. Леонова / Т. М. Вахитова // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 135–147.

Волошинов, А. В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства / А. В. Волошинов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копчик. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 213–246.

Волошинов, А. В. «Двенадцать Блока»: музыка, фракталы, хаос / А. В. Волошинов // Человек. – 2007. – № 3. – С. 145–151.

Воробьев, А. А. Философские возможности советской литературы: поздний Леонов / А. А. Воробьев // Вопросы философии. – 2019. – Вып. 6. – С. 159–166.

Воронин, В. С. Фантазия, абсурд, многозначные логики и триалектика в творчестве Леонида Леонова / В. С. Воронин. – Ульяновск : УлГТУ, 2019. – 254 с.

Десятников, В. А. Дневник Русского: 1979–1986. Т. 2 / В. А. Десятников. – Сергиев Посад ; М., 2010. – 448 с.

- Дырдин, А. А. Экфрастический код романа Леонида Леонова «Пирамида» / А. А. Дырдин, Ю. В. Жукова // Проблемы исторической поэтики. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 323–338.
- Дырдин, А. А. Новозаветные метафоры моря и огня в «Пирамиде» Л. М. Леонова / А. А. Дырдин // Проблемы исторической поэтики. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 324–348. – DOI: 10.15393/j9. art.2023.13102.
- Заваров, Д. В. «Барсуки» Леонида Леонова: автор против условного образа писателя / Д. В. Заваров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2023. – № 3 – С. 111–117.
- Зайцев, Н. И. «Пирамидальное» дерево Л. М. Леонова: леониды и радианты художественного образа, спектральный анализ поэтологических ключей / Н. И. Зайцев // Образ России в отечественной литературе : материалы VI Международной научной конференции / сост., отв. редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2009. – С. 255–261.
- Исаев, Г. Г. Леонид Леонов – литературный критик, историк литературы и публицист: проблемы становления и развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Исаев. – М., 1993. – 44 с.
- Ковалев, В. А. Этюды о Леониде Леонове / В. А. Ковалев. – М. : Современник, 1974. – 293 с.
- Когут, К. С. Апокалиптические образы в рассказе Л. Леонова «Уход Хама» / К. С. Когут // Проблемы исторической поэтики. – 2016. – Т. 14. – С. 417–427.
- Компанеец, В. В. Пирамида в «Пирамиде» Леонова / В. В. Компанеец, А. Ю. Ковалева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: литературоведение, журналистика. – 2005. – Вып. 4. – С. 47–53.
- Лысов, А. Г. Последний автограф («Пирамида» как роман-самоопределение) / А. Г. Лысов // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / Институт русской литературы (Пушкин Дом). – СПб. : Наука, 2004. – С. 209–227.
- Лысов, А. Г. «Ожившая икона». Святая Русь в романе Л. Леонова «Пирамида» / А. Г. Лысов // Духовное заветование Леонида Леонова. Роман «Пирамида» с разных точек зрения : коллективная монография. – Ульяновск : Изд-во Ульяновского государственного технического университета, 2005. – С. 121–136.
- Лысов, А. Г. О некоторых итогах и перспективах современного леоноведения. Леонов и Запад: к постановке вопроса / А. Г. Лысов // Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы международной научной конференции : в 2-х ч. Ч. II. Проблемы изучения творчества Леонова: итоги и перспективы. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – С. 5–38.
- Меньчиков, Г. П. Фрактальность – всеобщее свойство бытия / Г. П. Меньчиков // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, кн. 4. – С. 80–86.
- Морозов, М. Ю. Философско-методологические проблемы построения единой концепции фрактальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. Ю. Морозов. – М., 2022. – 21 с.
- «Надо искать философский, религиозный ключ, переводить происходящее в высший регистр...» (Из бесед Л. М. Леонова с Н. А. Грозновой). Публикация Т. М. Вахитовой // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / Институт русской литературы (Пушкин Дом). – СПб. : Наука, 2004. – С. 5–27.
- Прилепин, З. Подельник эпохи: Леонид Леонов / З. Прилепин. – М. : Астрель, 2012. – 831 с.
- Распутин, В. Г. «Имеет силу национального пароля». К 100-летию Л. М. Леонова / В. Г. Распутин // В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – С. 286–293.
- Раушенбах, Б. В. Ненаписанная биография Леонида Леонова // Б. В. Раушенбах. Праздные мысли. Очерки. Статьи. Воспоминания. – М. : Гареева ; Аграф, 2017. – С. 64–80.
- Семенова, С. Г. Романы Леонова 20–30-х годов в философском ракурсе / С. Г. Семенова // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества воспоминания. – М. : ИМЛИ РАН, 2001. – С. 23–56.
- Степанов, А. В. Стиль Леонида Леонова / А. В. Степанов // Русский язык в школе. – 1999. – № 2. – С. 64–70.
- Степанов, А. В. Метафоры Леонида Леонова: к проблеме образного строя мышления / А. В. Степанов // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Издательство ИМЛИ РАН, 2001. – С. 155–161.
- Старолетов, М. Г. Методика фрактального анализа текста / М. Г. Старолетов // Языковое бытие человека и этноса (Российская академия наук. Московский гуманитарно-экономический институт). – 2005. – Вып. 9. – С. 85–91.
- Флоренский, П. А., священник. Symbolarium (Словарь символов) / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1996. – С. 564–591.
- Хандогин, Р. В. Фрактальность как свойство, способ и сущностная характеристика самоорганизации / Р. В. Хандогин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8, № 2А. – С. 209–218.
- Хрулев, В. И. Художественное мышление Леонида Леонова : монография. Часть I / В. И. Хрулев. – 2-е изд., испр. и доп. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. – 320 с.
- Чернейко, О. Л. Языковая метафора и мышление / О. Л. Чернейко // Язык, сознание, коммуникации. – М. : МАКС Пресс, 2021. – Т. 63. – С. 40–61.
- Якимова, Л. П. Герменевтические парадоксы романа Леонида Леонова «Русский лес» / Л. П. Якимова // Художественно-философские модели мироздания в творчестве Л. М. Леонова и в русской литературе XIX – начала XXI столетий : материалы VIII международной конференции, г. Ульяновск, 7–9 сентября 2011 г. / составитель, ответственный редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – С. 139–173.

Якимова, Л. П. Поэтика русской литературы в семиологическом освещении / Л. П. Якимова ; Российская академия наук, Сибирское отделение. Институт филологии. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2022. – 298 с.

References

- «Nado iskat' filosofskii, religiozniy klyuch, perevodit' proiskhodyashchee v vysshii registr...» (Iz besed L. M. Leonova s N. A. Groznovoi) ["It is Necessary to Look for a Philosophical, Religious Key, to Transfer What is Happening to a Higher Register..."] (From the Conversations of L.M. Leonov with N.A. Groznova). (2004). In *Roman L. Leonova «Piramida». Problema miroopravdaniya*. Saint Petersburg, Nauka, pp. 5–27.
- Averintsev, S. S. (1975). Predvaritel'nye zametki k izucheniyu srednevekovoi estetiki [Preliminary Notes on the Study of Medieval Aesthetics]. In *Drevnerusskoe iskusstvo: (Zarubezhnye svyazi)*. Moscow, Nauka, pp. 371–382.
- Bolshakova, A. Yu. (2010). Leonid Leonov i sovremennaya russkaya proza [Leonid Leonov and Modern Russian Prose]. In Dyrdin, A. A. (Ed.). *Nasledie L. M. Leonova i sud'by russkoi literatury: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ulyanovsk, UIGTU, pp. 122–131.
- Cherneyko, O. L. (2021). Yazykovaya metafora i myshlenie [Language Metaphor and Thinking]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsii*. Moscow, MAKS Press. Vol. 63, pp. 40–61.
- Desyatnikov, V. A. (2010). *Dnevnik Russkogo: 1979–1986* [Diary of a Russian: 1979–1986]. Vol. 2. Sergiev Posad, Moscow. 448 p.
- Dyrdin, A. A. (2023). Novozavetnye metafory morya i ognya v «Piramide» L. M. Leonova [New Testament Metaphors of Sea and Fire in L. M. Leonov's "Pyramid"]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 21. No. 4, pp. 324–348. DOI: 10.15393/j9. art.2023.13102.
- Dyrdin, A. A., Zhukova, Yu. V. (2022). Ekfrasticheskii kod romana Leonida Leonova «Piramida» [The Ekphrastic Code of "The Pyramid", a Novel by Leonid Leonov]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 20. No. 1, pp. 323–338.
- Florensky, P. A., priest. (1996). Symbolarium (Slovar' simvolov) [Symbolarium (Dictionary of Symbols)]. In *Sochineniya: v 4 t.* Vol. 2. Moscow, Mysl', pp. 564–591.
- Isaev, G. G. (1993). *Leonid Leonov – literaturnyi kritik, istorik literatury i publitsist: problemy stanovleniya i razvitiya* [Leonid Leonov – Literary Critic, History of Literature and Publicist: Problems of Formation and Development]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 44 p.
- Khandogin, R. V. (2019). Fraktal'nost' kak svoistvo, sposob i sushchnostnaya kharakteristika samoorganizatsii [Fractality as a Property, Method and Essential Characteristic of Self-organization]. In *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. Vol. 8. No. 2A, pp. 209–218.
- Khrulev, V. I. (2015). *Khudozhestvennoe myshlenie Leonida Leonova* [The Artistic Thinking of Leonid Leonov]. Part I. 2nd edition. Ufa, RITs BashGU. 320 p.
- Kogut, K. S. (2016). Apokalipticheskie obrazy v rasskaze L. Leonova «Ukhod Khama» [Apocalyptic Images in L. Leonov's Story "The Departure of Ham"]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 14, pp. 417–427.
- Kompaneets, V. V., Kovaleva, A. Yu. (2005). Piramida v «Piramide» Leonova [Pyramid in Leonov's "Pyramid"]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: literaturovedenie, zhurnalistika*. Issue 4, pp. 47–53.
- Kovalev, V. A. (1974). *Etyudy o Leonide Leonove* [Sketches about Leonid Leonov]. Moscow, Sovremennik. 293 p.
- Leonov, L. M. (1982). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 2. Barsuki: Roman. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 328 p.
- Leonov, L. M. (1982). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 3. Vor: Roman. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 614 s.
- Leonov, L. M. (1984). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 9. Russkii les: Roman. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 736 p.
- Leonov, L. M. (1987). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 10. Publitsistika; Fragmenty iz romana. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 631 p.
- Leonov, L. M. (1987). Spiral' (otryvok) [Spiral (Excerpt)]. In *Roman-gazeta*. No. 13 (1067), pp. 86–89.
- Leonov, L. M. (1994). *Piramida. Roman* [Pyramid. Novel]. T. I. Moscow, Golos. 736 p. Vol. II. 688 p.
- Lysov, A. G. (2004). Poslednii avtograf («Piramida» kak roman-samoopredelenie) [The Last Autograph ("Pyramid" as a Novel – Self-determination)]. In *Roman L. Leonova «Piramida». Problema miroopravdaniya*. Saint Peterburg, Nauka, pp. 209–227.
- Lysov, A. G. (2005). «Ozhivshaya ikona». Svyataya Rus' v romane L. Leonova «Piramida» ["The Revived Icon". Holy Russia in the Novel by L. Leonov "The Pyramid"]. In *Dukhovnoe zaveshchanie Leonida Leonova. Roman «Piramida» s raznykh tochek zreniya: kollektivnaya monografiya*. Ulyanovsk, Izdatel'stvo Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, pp. 121–136.
- Lysov, A. G. (2007). O nekotorykh itogakh i perspektivakh sovremenno go leonovedeniya. Leonov i Zapad: k postanovke voprosa [On Some Results and Prospects of Modern Leonology. Leonov and the West: Towards the Formulation of the Question]. In *Literatura XI–XXI vv. Natsional'no-khudozhestvennoe myshlenie i kartina mira: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2-kh ch.* Part II. Problemy izucheniya tvorchestva Leonova: itogi i perspektivy. Ulyanovsk, UIGTU, pp. 5–38.
- Menchikov, G. P. (2008). Fraktal'nost' – vseobshchee svoistvo bytiya [Fractality is a Universal Property of Existence]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 150. Book 4, pp. 80–86.

- Morozov, M. Yu. (2022). *Filosofsko-metodologicheskie problemy postroeniya edinoi kontseptsii fraktal'nosti* [Philosophical and Methodological Problems of Building a Unified Concept of Fractality]. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Moscow. 21 p.
- Prilepin, Z. (2012). *Podel'nik epokhi: Leonid Leonov* [Accomplice of the Era: Leonid Leonov]. Moscow, Astrel'. 831 p.
- Rasputin, V. G. (2007). «Imeet silu natsional'nogo parolya». K 100-letiyu L. M. Leonova [“Has the Force of a National Password”. To the 100th Anniversary of L. M. Leonov]. In *V poiskakh berega: Povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse*. Irkutsk, Izdatel' Saponov, pp. 286–293.
- Rauschenbach, B. V. (2017). *Nenapisannaya biografiya Leonida Leonova* [Unwritten Biography of Leonid Leonov]. In B. V. *Rauschenbach. Prazdnye mysli. Ocherki. Stat'i. Vospominaniya*. Moscow, Gareeva, Agraf, pp. 64–80.
- Semenova, S. G. (2001). *Romany Leonova 20–30-kh godov v filosofskom rakurse* [Leonov's Novels of the 20–30s in a Philosophical Perspective]. In *Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva vospominaniya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 23–56.
- Staroletov, M. G. (2005). *Metodika fraktal'nogo analiza teksta* [Methodology of Fractal Text Analysis]. In *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa (Rossiiskaya akademiya nauk. Moskovskii gumanitarno-ekonomicheskii institut)*. Issue 9, pp. 85–91.
- Stepanov, A. V. (1999). *Stil' Leonida Leonova* [Leonid Leonov's Style]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 2, pp. 64–70.
- Stepanov, A. V. (2001). *Metafory Leonida Leonova: k probleme obraznogo stroya myshleniya* [Leonid Leonov's Metaphors: On the Problem of Figurative Style of Thinking]. In *Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva. Vospominaniya*. Moscow, Izdatel'stvo IMLI RAN, pp. 155–161.
- Vakhitova, T. M. (2006). *Khudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova (struktura poetika, evolyutsiya)* [Artistic Picture of the World in the Prose of Leonid Leonov (Structure, Poetics, Evolution)]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg. 45 p.
- Vakhitova, T. M. (2009). *Printsip perepisyvaniya v tekstologii L. Leonova* [The Principle of Rewriting in Textual Criticism by L. Leonov]. In *Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 135–147.
- Voloshinov, A. V. (2002). *Ob estetike fraktalov i fraktal'nosti iskusstva* [On the Aesthetics of Fractals and the Fractality of Art]. In Koptsik, V. A. (Ed.). *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineinoe myshlenie v nauke i iskusstve*. Moscow, Progress-Traditsiya, pp. 213–246.
- Voloshinov, A. V. (2007). «Dvenadtsat' Bloka»: muzyka, fraktaly, khaos [“Twelve Block”: Music, Fractals, Chaos]. In *Chelovek*. No. 3, pp. 145–151.
- Vorobyev, A. A. (2019). *Filosofskie vozmozhnosti sovetskoj literatury: pozdnii Leonov* [Philosophical Possibilities of Soviet Literature]. In *Voprosy filosofii*. Issue 6, pp. 159–166.
- Voronin, V. S. (2019). *Fantaziya, absurd, mnogoznachnye logiki i trialektika v tvorchestve Leonida Leonova* [Fantasy, Absurdity, Polysemous Logics and Triadics in the Work of Leonid Leonov]. Ulyanovsk, UIGTU. 254 p.
- Yakimova, L. P. (2011). *Germenevticheskie paradoksy romana Leonida Leonova «Russkii les»* [Hermeneutical Paradoxes in Leonid Leonov's Novel «Russian Forest»]. In Dyrdin, A. A. (Ed.). *Khudozhestvenno-filosofskie modeli mirozdaniya v tvorchestve L. M. Leonova i v russkoj literature XIX – nachala XXI stoletii: materialy VIII mezhdunarodnoi konferentsii, g. Ul'yanovsk, 7–9 sentyabrya 2011 g.* Ulyanovsk, UIGTU, pp. 139–173.
- Yakimova, L. P. (2022). *Poetika russkoj literatury v semiologicheskom osveshchenii* [Poetics of Russian Literature in Semiological Lighting]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 298 p.
- Zavarov, D. V. (2023). «Barsuki» Leonida Leonova: avtor protiv uslovnogo obraza pisatelya [“Badgers” by Leonid Leonov: The Author Against the Conventional Image of the Writer]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 3, pp. 111–117.
- Zaytsev, N. I. (2009). «Piramidal'noe» derevo L. M. Leonova: leonidy i radianty khudozhestvennogo obraza, spektral'nyi analiz poetologicheskikh klyuchej [Pyramidal Tree of L. M. Leonov: Leonids and Radiants of the Artistic Image, Spectral Analysis of Poetological Keys]. In Dyrdin, A. A. (Ed.). *Obraz Rossii v otechestvennoj literature: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ulyanovsk, UIGTU, – pp. 255–261.

Данные об авторе

Дырдин Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник НИО Департамента научных исследований и инноваций, Ульяновский государственный технический университет, Председатель открытого Международного сообщества «Русская словесность: духовно-культурные контексты» (Ульяновск, Россия).
Адрес: 620000, Россия, г. Ульяновск, ул. Розы Люксембург, 32.
E-mail: dyrd@mail.ru.

Author's information

Dyrdin Alexander Alexandrovich – Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher of Research Institute of Department of Scientific Research and Innovation, Ulyanovsk State Technical University, Chairperson of Open International Scientific Society “Russian Language and Literature: Spiritual and Cultural Contexts” (Ulyanovsk, Russia).